

УДК 811.161.3'373.222:398.21(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-78-2-99-103

ЗООНИМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В БЕЛОРУССКИХ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ СКАЗКАХ

канд. филол. наук, доц. М.Н. РОМАНКЕВИЧ

(Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4566-7214>

В статье рассматривается зоонимикон белорусских народных сказок, устанавливаются функции зоонимов в текстах белорусских социально-бытовых сказок. Данное исследование направлено на выявление особенностей функционирования зоонимических единиц в белорусской социально-бытовой народной сказке. Выявлено, что корпус зоонимов в белорусских социально-бытовых сказках отличается традиционностью и ограниченной известностью, что объясняется упоминанием только тех животных, которые встречаются на территории Беларуси и были распространены в крестьянской среде. Использование зоонимических единиц в первичном и / или вторичном значении зависит от типа сказки: в социально-бытовых доминируют зоонимы (номинации животных в первичном значении), довольно редки зооморфизмы (образные номинации человека). Образные выражения с компонентом-зоонимом соотносятся с разными качествами, поведением человека и бытовыми ситуациями.

Ключевые слова: белорусские народные сказки, социально-бытовые сказки, зоонимы, зоометафора, сравнения.

Введение. Повышенное внимание лингвистов к изучению национальных картин мира, средств репрезентации менталитета в разных дискурсах, в том числе в художественных, поликодовых текстах, объясняет необходимость изучения сказочного эпоса, в котором закодирована важная для развития личности социально-историческая и национальная информация, представлены способы взаимоотношений между людьми. Общеизвестно, что народные сказки, знакомые человеку с раннего детства, формируют первые представления о добре и зле, ценностные установки (напр., уважать родителей, оказывать помощь попавшим в беду и др.) [1]. Вместе с тем в сказке представлено традиционное, сформированное в прошлые века, видение окружающей действительности, отсылающее порой к действиям, которые в современном обществе уже являются архаичными (*поскрести по сусякам, тир на весь мир* и др.), но, тем не менее, транслирующими значимые элементы культурного кода. Причем признак архаичности свойствен не только самому действию, но и лексической объективации данного смыслового содержания. Сказка национально специфична, т.к. аккумулирует «память о структурных особенностях национальных традиций и бытовые детали, характерные для каждого ареала пребывания человека» [2, с. 160]. В этом аспекте признание высокого лингвокультурологического потенциала народных сказок стало в современных лингвистических исследованиях практически аксиомой. Выявление лингвокультурологических особенностей народных сказок не мыслимо без рассмотрения образов животных и зоонимов, называющих и обозначающих представителей животного мира.

Отмечаем, что в большинстве лингвистических исследований зоонимы изучаются в следующих аспектах: затрагиваются вопросы терминологического аппарата (О.В. Галимова, Ф.Н. Гукетлова, Н.В. Солнцева, А.С. Маслов и др.), предлагаются классификации в зависимости от тематических, морфологических и др. критериев (Ф.А. Литвин, Э.А. Кацитадзе, Ю.Л. Лясота и др.), рассматриваются механизмы семантической деривации зоонимов, роль коннотативного компонента (Е.В. Болгова, О.А. Васильева, Е.А. Гутман, Н.А. Киндря, Е.Н. Нагорная и др.), лингвокультурная специфика употребления зоонимов на примере разных языков (Ю.Н. Михайлова, Н.А. Скитина, А.А. Шарова и др.), а также использование зоонимов в функции ласкового или грубого обращения (Ю. Гэн, Т.Т. Денисова, А.С. Маслов, Н.В. Солнцева и др.). Однако функционирование зоонимов в сказках, в частности белорусских, изучалось фрагментарно. Вместе с тем осмысление зоонимической лексики, которая часто встречается в текстах сказок, позволяет выявить особенности быта определенного временного периода, морально-этические установки и фольклорные традиции, что и определяет научную новизну данного исследования.

Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей функционирования зоонимических единиц в белорусской социально-бытовой народной сказке. Объектом исследования являются зоонимы белорусского языка, предметом исследования – семантическое развитие зоонимов и особенности использования зоонимических единиц в белорусской социально-бытовой народной сказке. Материалом для исследования послужили 56 социально-бытовых сказок, представленных в сборниках белорусского сказочного эпоса.

Основная часть. В фокусе внимания данной статьи находится образы животных, без которых сложно представить большинство наодных сказок, в рамках которых произошла кристаллизация ассоциируемого с ними культурного содержания. Именно народная сказка является значимым этапом в становлении зоонимического кода белорусской лингвокультуры, поскольку в сказках закрепились коннотативные значения зоонимов, которые впоследствии будут повторяться в мультипликационных фильмах, художественных текстах и др.

Статус и функциональное назначение образов животных обусловлены разными факторами, в первую очередь, типом сказки: в социально-бытовых сказках животные являются составной частью быта белорусского народа, в основном крестьян и панов; в анималистических сказках или сказках о животных персонажи действуют как полноценные герои, приближающиеся по характеристикам к человеку.

В белорусском сказочном эпосе особую значимость приобрели сказки, близкие к реальности, так называемые социально-бытовые (по определению Ю.М. Соколова «реалистичные», Э.В. Померанцевой – «бытовые»), отражающие социальные и семейные взаимоотношения, жизнь крестьян, а также показывающие «класавыя супярэчнасці, жыццё і працу селяніна, яго быт, народную мараль» [3, с. 5]. Наш интерес к данному типу сказки обусловлен её способностью транслировать богатство этнокультурного опыта, присущего белорусскому народу.

Сущность социально-бытовой сказки предопределяет, что номинации животных будут использованы, как правило, в прямом значении, т.е. для обозначения конкретного животного. Так, например, зооним *вол* используется в прямом значении – ‘Кастрыраваны самец буйной рагатай жывёлы’ [4] (*Гоніць сын вала* в сказке «Ад кра дзенага не пасыцееш», *запрэгли ў іх шэсць пар валоў* в сказке «Палешукі і палевікі» или *Украў дзяк у суседа вала ... Забегаў сусед – шукае вала* «Поп і дзяк»).

Анализ эмпирического материала показал, что из 56 социально-бытовых сказок только в семи не встречались зоонимы, в остальных они, будучи номинациями животных как составной части быта крестьян, являлись средством описания их условий проживания, репрезентируя значимые действия, связанные с крестьянским трудом, образом жизни: *Кузьма, загані свіней у хлёў!* «Недалікатны сын», *Запрэгла яна сваю кабылку, села і паехала* «Не сіла, а смеласць», *Пасвілі ў адной вёсцы авечак два пастухі – Дзям’ян і Раман* «Старыя, як малыя» и др. Отмечаем довольно ограниченный корпус зоонимической лексики, встречаемой в сказках: 57 зоонимов, называющих как домашних, так и диких животных (56% и 42% единиц соответственно), что представлено в таблице.

Таблица. – Корпус зоонимов в белорусских социально-бытовых сказках

Звери (23 ед.) домашние	Авечкі, асел, баранчык, вол, выжал, ганчак, жарабец, жарабятка, кабыла, казел, карова, козачка/каза, конь, кот, парасяты, сабака, свінні, сучка, цялушка, цяляты, ягняткі, ярчка
Птицы (9 ед.) домашние	Гусь, гуска, гусак, гусяняты, качка, квактуха, курыца, кураняты, певень
Звери (5 ед.) дикие	Воўк, заяц, мыш, мядзведзь
Птицы (9 ед.) дикие	Арол, вароны, голуб, дзятлы, пугач, сава, сарокі, шчыгол, ястраб
Рыбы (2 ед.)	Печкуры, яршы
Насекомые (7 ед.)	Авадні, восы, жук, камар, муха, пчала, сляпні
Земноводные (2 ед.)	Жаба, рак
Классы животных (4 ед.)	Жывела, звер, птушкі, рыба

Как видим, в сказках данного типа упоминаются животные, которых белорус мог увидеть в повседневной жизни и, соответственно, проживающие на территории Беларуси. Логично, что распространенность зоонимов, называющих диких животных в белорусских социально-бытовых сказках в разы меньше, чем частота номинаций домашних животных, что доказывает не только разную степень встречаемости и значимости животных в крестьянской жизни. Так, например, такие зоонимы, как *восы, жук, муха, печкуры, яршы, арол, дзятлы, пугач, сава, сарокі, шчыгол, ястраб* и др. встречаются только в одной сказке. Поведение животных в сказке отражает действия и ситуацию в целом, которые могли бы произойти в действительности, как в сказке «Поп і дзяк» пан слейвил пролетающего мимо жука: *Выйшаў ён на двор, бачыць — ляціць жук. Пан сханіў жука ў жменю ...*

К числу распространенных фольклорных зоонимических образов в белорусских социально-бытовых сказках относятся образы *ваўка, вала, каровы* и др.: *конь* (в 20 из 56 сказок, или в 36%), *воўк* (в 13 из 56 сказок, или в 23%), *вол, сабака, свінні* (в 8 из 56 сказок, или в 14%), *карова, авечка* (7 из 56, или в 13%). Объективируемые в сказке свойства и признаки домашних животных представлены довольно единообразно. Так, конь представлен как средство передвижения (*Загадаў пан запрэчы тройку коней* «Дурная пані і “разумны” пан», *Потым сеў на каня і паехаў* «Пану навука», *Села Марылька на воз ды пагнала каня ў вёску* «Не сіла, а смеласць»), за которым требуется уход (*Мужык выпраг каня, звёў убок* «Замыкай», – *Пасі коней, адганяй авадыёў* «Сапраўдны дурань»). Отмечается скорость коней, за что они и ценятся хозяевами (*Ну, конь у папа быў добры, ён як бач і дагнаў яго* «Салдат з таго свету», *І так шпарка памчаліся, што і на кані не дагоніш* «Як ксяндзы вылечыліся»). Вол представлен в анализируемых сказках как тягловая сила: *запрэгли ў іх шэсць пар валоў ... валы паплылі на другі бераг* «Палешукі і палевікі», *Запрэгли мы дзве пары валоў – паехалі* «Пан і казачнік».

Такие животные, как кот и собака, также упоминаются в социально-бытовых сказках, но кот встречается не так часто, как в анималистических (в 3 из 56 социально-бытовых сказок), в то время как собака встречается чаще (8 из 56). Утилитарная значимость кота в реалиях крестьянского быта была минимальна (охотиться на грызунов – мышей и крыс), чем, возможно, и объясняется его редкое упоминание, как правило, в связи с рационом питания: *Наловіць жменю печкуроў ці яршоў – якая ад іх карысць? Хіба што кату паласавацца* («Стралец і рыба») и *А там глядзіць: няма голуба... Толькі ксяндзоў рыжы кот на званыцы сядзіць, аблізваецца. І галубіныя пер’і каля яго валяюцца...* («Святы дух»). *Сабака* представлена в белорусской социально-бытовой сказке как охранник, который может проявить агрессию. Данное представление строится на общеизвестных фактах: при приближении незнакомого человека собака начинает лаять, и даже может напасть: *Забрэла сабака* «Ад крадзенага не пасыцееш», *У дарозе апанавалі яго сабакі. ... Уцёк сак-так ад сабак* «Сапраўдны дурань», *Узлаваўся ён і нацкаваў на яе сабак – думаў, тыя разарвуць разумніцу. Дзяўчынка выпусціла з рук зайца – сабакі памчаліся за ім* «Разумная дачка». Данный зооним используется в некоторых случаях в качестве эталона голодного человека: *Галодны, небарака, не раўнуючы, як той сабака* «Салдат з таго свету». К человеку, сравниваемому с собакой,

относятся с сочувствием, жалостью, о чем свидетельствует в вышеприведенном примере параллельное употребление имени существительного *небарака*, в значении которого зафиксированы чувства, с которыми относятся к этому несчастному человеку: 'Няшчасны чалавек, які выклікае спачуванне, жаль і спагаду' [4].

Домашние животные часто становились предметом торга или кражи, что также отмечается в социально-бытовых сказках: *Прадаў цыган каня на рынку ды ішоў дадому, у свой цыганскі табар* «Двое скупых», *Украў дзяк у суседа вала ... Забегаў сусед – шукае вала* «Поп і дзяк», *Давай прадамо каня, а купім вала* «За каня – брусок», *Украў поп у адной жанчыны карову і завёў у свой хлеў* «Амін, кароўка, амін!», *ідзе дзяк на промысел: у каго карову ўкрадзе, у каго авечку...* «Поп і дзяк».

Отношение панов к домашним животным отличается от отношения крестьян, для которых корова, конь, свинья и т.п. являются ценностью и жизненно необходимыми существами, обеспечивающими проживание. Ценность для имущих (в частности, панов) представляют заморские породы коней и собак. Так, в следующих контекстах: *Казалі, быццам прадаў ён свой маёнтак з усімі людзьмі другому пану за пару замежных коней і за пяток нейкіх сабак* «Пісар-ашуканец», *Але найбольш з усяго свайго багацця любіў пан сабаку-ганчака. Хітры гэта быў сабака – ну, як чалавек, не раўняючы. Што пан яму ні загадае – усё зробіць* «Пятрушка» отражен реальный факт покупки породистых лошадей или собак за счет продажи крепостных, деревень с крепостными. В данном контексте отмечается, что образы некоторых животных имеют аксиологическую значимость и наличие соответствующего животного в семейном хозяйстве символизирует достаток и безбедное существование: *Каня ў яго няма. Авечак і свіней таксама. Адна толькі худая Рагуля ў гаспадарцы засталася* «Поп-ашуканец».

Распространенные в анималистических сказках образы лисы, медведя и некоторых других не получили своего развития в социально-бытовых сказках. Вместе с тем образ *ваўка* представлен довольно детально, но единообразно – в негативном ключе. В основном, опыт столкновения человека с волком был негативным: этот хищник причинял вред имуществу и жизни человека, вызывал страх. Вербализация хищной сущности волка происходит в следующих контекстах: *ці яго (жарабятка) воўк з'есць* «Як Сцепка з панам гаварыў», *перагарадзілі ёй дарогу два ваўкі...* *Стаяць ды зубамі ляскаюць. «Ну, – думае Марылька, – з'елі яны маю кабылку»* «Не сіла, а смеласць», *«Ці не воўк авечак душыць? – падумаў сам сабе Пятрок* «Як вядзьмар на зоры глядзеў», *А тое, што тваю кабылу ваўкі ўкусілі* «Хвост ды грыва», где акцентируется факт поедания домашнего скота волками. Эти представления, приобретенные эмпирическим путём, легли в основу образа, наряду с представлениями о волке как живом существе – его внешний вид, среда обитания и т.п. Так, С.Г. Тер-Минасова отмечает, что объективная реальность отражается в сознании человека в форме понятийной и языковой [5, с. 41].

Значимым феноменом для построения сюжета народной сказки является голод, который «толкает» животных (волка, лису, медведя и др.) на разные действия, как странные (волк ловит рыбу хвостом), так и порицаемые (волк режет овечек, коров). Дикие животные вынуждены искать пропитание всеми способами: как правило, во круг способов утолить голод животным строятся многие анималистические сказки. В социально-бытовой сказке часто воспроизводимой является ассоциация волка с голодом / прожорливостью, например: *дзе выюць галодныя ваўкі* «Глухі і бязногі»; *(чалавек) ідзе, галодны як воўк* «Стралец і рыбак», что позднее будет закреплено в устойчивых сравнениях. Поведение волка, убегающего от охотников, объективируются в сравнении *азіраецца, як воўк, ці не бяжыць хто за ім* («Ад крадзенага не пасыщеш»). В сказке «Амін, кароўка, амін!» волк выступает как символ ненасытности, которая в свою очередь сопоставляется с жадностью попа: – *Падзяліся, бацюшка...* – *Не, – адказвае яму поп. – Гэта мой даход! Вядома, папоўскае вока, што воўчае горла.* Так, крайне нелестная характеристика панов как ненасытных, жестоких происходит благодаря их сравнению с волками.

Следует отметить, что в социально-бытовой сказке воўк представлен в одном ключе (негативном), в отличие от анималистической сказки, где образ *ваўка* противоречив (он голодный, хищный, но и хитрый, коварный; в то же время глупый, наивный; даже помогающий герою). Отрицательная оценка данного животного реализуется в устойчивом выражении *каб ... ваўкі з'елі*, используемом как ругательство (Выкл. Выказванне адмоўных адносін да каго-н. [6, с. 77]: – *Ах, каб вас ваўкі з'елі! – закрычаў дурань на сабак і кінуўся наўцёкі.* «Сапраўдны дурань», – *Дзядзька, вашы цяляты ў ішкоду залезлі! – Ах, каб іх ваўкі з'елі! – закрычаў мужык* «Мужык і жонка». В данном выражении переменным компонентом является указание на того, кто отрицательно оценивается: в первом случае – собаки, во втором – телята.

Таким образом, в целом в белорусских социально-бытовых сказках зоонимы используются в прямом значении, которое условно можно обозначить как «обыденное», т.е. прямое наименование того или иного животного. Вместе с тем, данное обыденное значение реализуется как «мифологическое», которое «находит отражение в традиционной народной культуре, в фольклорных текстах» [7], поскольку речь идет о сказочном эпосе. Дальнейшее семантическое развитие зоонимических номинаций позволяет говорить о стереотипном значении, которое «актуализируется при использовании зоонима для зооморфной характеристики человека» [7]. Будучи сложным ассоциативно-психологическим процессом, образное мышление конкретного народа индивидуально [8, с. 3], что обуславливает ассоциирование животных с разными качествами в разных лингвокультурах.

Зооморфная характеристика человека может быть реализована посредством использования сравнений. В белорусской социально-бытовой сказке выявлено, что незначительная часть зоонимов используются в качестве эталонов качества или образцов поведения. Так, как уже отмечали выше, *воўк* и *сабака* являются эталоном голодного человека (*ідзе, галодны як воўк* («Стралец і рыбак») и *Галодны, небарака, не раўняючы, як той сабака* «Салдат з таго свету»), *голуб* используется для описания внешности человека и указания на его седину и, соответственно,

возраст (*Стары бацька, сівы, як голуб* «Палешукі і палевікі»), казёл ассоциируется с неблагозвучным, плохим пением (*Ні складу ў яго песнях, ні ладу. Бывала, як заспявае сваім казліным галаском, то хоць ты з царквы ўцяйкай* («Дзяк – благі спявак»), *Памаліўся трохі поп за пеўня ды зноў да дзяка: – Дзяча, дзяча, стары няўдача! Годзе табе казлом бляць, годзе святых тужаць!* («Як поп маліўся»)), арол – с острым зрением (*Глухі не чуе, затое бачыць, як арол* («Глухі і бязногі»)), рыба ассоциируется с молчаливым человеком (*Кума нават пабажылася, што будзе маўчаць як рыба* («Панская ласка»)) и др. Данные зооэталонны строятся на «видимых» или эмпирически выявленных свойствах животных, что обуславливает их понятность и известность в белорусской лингвокультуре.

Наряду с зоохарактеристикой человека в структуре сказок происходит семантическое развитие зоонимов по метафорическому и метонимическому пути. Зоометафоры (терминологически данные единицы обозначаются как зооморфизмы) немногочисленны, но широко известны. Так, в сказке «Добры знаемы» встречается зооморфизм *птушка*: – *То выскачы і даведайся, што ён за птушка. Можса, злодзей які?*, называющий в общем понимании человека (ср. в толковом словаре закреплено соответствующее переносное значение, которое используется иронично: «Пра чалавека, з пункту гледжання яго грамадскага значэння, становішча» [4]). Или, в сказке «Пану навука» паны образно называются *звяр’ём* (*А ліхія ж былі паны! Не людзі, а звяр’ё. Трапіш да такога пана, то хоць кладзіся ды памірай*), когда основанием для сопоставления становится качество *ліхія*. Причем в коннотативном плане данное прилагательное ассоциируется только с отрицательными чертами и поведением: ср. в его значениях приводятся следующие оценочные прилагательные «нядобры, злы», «дрэнны, паганы» [4].

Использование зооморфизма в качестве грубого обращения отражает расширение его функций: *пан паглядзіць і кажса: – Што ж ты прывёў, асёл?* («Пану навука»), где зооморфизм *асел* называет глупого человека.

Отдельно следует отметить фразеологический потенциал зоонимов, которые становятся ядром образных выражений, соотносимых с разными качествами, поведением и ситуациями. Так, наряду с проанализированным выражением *каб ... ваўкі з’елі* в сказке встречается также выражение ... *качкі стопчуць/стапталі*, используемое для выражения возмущения, удивления (ср. в Толковом словаре белорусского языка отмечается его шуточное использование («жартаўлівае слова, жартаўлівы выраз»), а также эмоции, с которым оно соотносится – «незласлівае абурэнне, здзіўленне, захапленне» [4]): – *А няхай цябе, бабка, качкі стопчуць: як жа ты ўгадала?* («Шаптуха»), – *Бадай цябе, пане, качкі стапталі! – адказвае мужык. – Мне ўжо гадоў за сорак мінула, а ты кажаш – учарашні!* («Замыкай»). Данное выражение также включает переменный компонент, состоящий из указания, на того, к кому обращаются, и местоимения (здесь – *бабка* и *пане*; *цябе*). Наряду с вышеприведенными выражениями встречаются следующие: *кот наплакаў* «Вельмі мала (пра невялікую колькасць каго-, чаго-н.)» [9, с. 192] (*– Давай, – згаджаецца жонка. – Няхай будзе так. Бо ідзе зіма, а корму ў нас кот наплакаў* («Поп-ашуканец»), *дарэмна і каза не скача* (*– Добра, – згаджаецца Клімка. – Украду я тваю паню. Але... пан жа сам добра ведае: дарэмна і каза не скача...* («Штукар Клімка»)), *з камарыны нос* (*А снадання дасць з камарыны нос. Паснедае парабак і нават не пачуе – было што ў роце ці не* («Кулак і парабак»)).

Кроме того, вызывают интерес следующие словосочетания: *Ідзе дурань, варон лічыць. Надакучыла лічыць варон, пачаў навокал азірацца* («Сапраўдны дурань») и *Падышоў да акна, а певень: – Ку-ка-рэ-ку! – Ды вось пасядзім трохі, а пасля трэціх пеўняў і дамо драла* («Поп і дзяк»), поскольку в них встречаются известные фразеологические единицы *лічыць варон* в значении «Варон страляць – не заўважаць таго, што трэба; зьяваць» [4] и *да трэціх пеўняў* в значении «Да самага світанья» [9, с. 110] (в высказывании употреблено *пасля трэціх пеўняў*) как свободные словосочетания.

Заключение. Будучи частью фольклорной прозы, народная сказка является тем незаменимым этапом становления зоонимического кода белорусского языка, когда свободные словосочетания проходят процесс фразеологизации, а коннотативные значения зоонимов (типа *воўк – ненасытны, конь / жарэбчык – хуткі* и др.) закрепляются многократным повторением в похожих контекстах. Вместе с тем значимой остается разновидность народной сказки, влияющая на функционирование зоонимических единиц: выявлено, что большинство зоонимических единиц используется только в прямом значении, как номинация конкретного животного, реже встречаются зоонимы как ядерные компоненты сравнения или устойчивого словосочетания. Таким образом, зоонимы в социально-бытовых сказках представляют собою микросистему и являются источником культурной информации, отражающей общий культурный фон белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В.Я. Поэтика фольклора: собрание трудов В.Я. Проппа / сост., пред. и комм. А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
2. Злотникова Т.С., Жукова В.С. Ментальный и художественный аспекты авторской сказки как культурного кода // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 5(110). – С. 160–165.
3. Сацыяльна-бытавыя казкі / рэд. В.К. Бандарчык; АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 520 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы «Скарнік». – URL: <https://www.skarnik.by/tsbm> (дата звароту: 03.10.2025).
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультур. коммуникация». – М.: Слово/Slovo, 2000. – 261 с.
6. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / склад. М.А. Даніловіч. – Гродна: ГрДУ, 2020. – 607 с.

7. Альшанская Ю.В. Отражение мифологического сознания во фразеологизмах французского языка // Ломоносов: электронный журнал. – М., 2005. – С. 149–151. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2005/Pdf/Philolog.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
8. Куражова И.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингво-культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иваново, 2007. – 24 с.
9. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 408 с.

Поступила 15.10.2025

ZOONYMIC UNITS IN BELARUSIAN SOCIAL AND EVERYDAY TALES

M. ROMANKEVICH

(Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk)

This article examines the zoonymicon of Belarusian folk tales and identifies the functions of zoonyms in the texts of Belarusian social and everyday tales. This study aims to identify the specific features of zoonymous units in Belarusian social and everyday folk tales. The corpus of zoonyms in Belarusian social and everyday tales is characterized by traditionalism and limited familiarity. The use of zoonyms in their primary and/or secondary meanings depends on the type of folktale: in social and everyday tales, zoonyms (primary animal nominations) predominate, while zoomorphisms (figurative nominations of humans) are quite rare. Figurative expressions with a zoonym component are associated with various human qualities, behavior, and everyday situations.

Keywords: *Belarusian folk tales, social and everyday tales, zoonyms, zoometaphor, similes.*